

таше вокруг (Μετάρει πε(ρ): NN». Я не считаю себя вправе настаивать на своем толковании; но нельзя же принимать первое толкование (Palmer, стр. 133: «и с ними экета X») и в то же время заявлять (там же): «Документ в целом содержит такие распоряжения из района *Μεταπύ*». Ведь ни в одном из документов этой группы *Μετα* не читается, и такое заявление имело бы смысл только при принятии Палмером отвергаемого им моего толкования.

Больше всего поражает предложение Палмера видеть в $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$ не $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$, а «начальника цеха кузнецов», а в $\kappa\epsilon\rho\eta\sigma\iota\eta$ не $\gamma\epsilon\rho\eta\sigma\iota\alpha > \gamma\epsilon\rho\omega\sigma\iota\alpha$, а «объединение кузнецов». Единственным основанием для такого предположения послужило для Палмера постулированное им «осадное положение» в Пилосе и то, что один из $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$ принимает у кузнецов сдаваемые ими по весу медные изделия. Шантрен (ук. соч., стр. 267) указал уже на необоснованность такого предположения; принятие медных изделий могло быть лишь одной из функций $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$. Палмер противопоставляет свой метод — метод контекста — методу этимологическому, но он в этом непоследователен: конечно, контекст чрезвычайно важен, но если мы откажемся от толкования слов табличек по их звуковому совпадению со словами позднейшего греческого языка, то ни к чему не придем. Это показали попытки ученых, не принимающих дешифровки Вентриса. И, несомненно, Шантрен прав, указывая, что звуковое совпадение разбираемых слов с $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ и $\gamma\epsilon\rho\omega\sigma\iota\alpha$ слишком полно, чтобы быть случайным. Но Шантрен не обратил еще внимания на следующий факт (отмеченный мною в книге «Язык и культура», стр. 219 сл.). В кносской надписи As 1516

дан список людей по отдельным $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon\iota\alpha$: в каждой графе сначала указывается название района, затем имя каждого $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$ (например, $\text{Seto}\iota\alpha$ Sukereu $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon\iota\alpha$). Но в одном ряду с этими $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon\iota\alpha$ назван в одной из граф Konosija rawakeja , где rawakeja соответствует $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon\iota\alpha$ в других графах. Следовательно, rawaketa «воевода», один из $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$, $\text{primus inter pares}$, как Алкиной (Od., VIII, 390) $\tau\rho\iota\sigma\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\varsigma$ по отношению к 12 другим басилеям. Последовательно рассуждая, Палмер должен был бы считать, что и rawaketa «воевода» был только начальником цеха кузнецов Кносского района, а это — нелепо. Палмер ссылается еще на тот факт, что имена двоих из $\rho\alpha\sigma\iota\gamma\epsilon\upsilon$ встречаются в числе кузнецов, но такое оперирование с именами совершенно произвольно, поскольку всегда в Греции было так, что несколько людей носили одно и то же имя, так как число имен было меньше числа людей.

Итак, в интересной книге Палмера много спорного. Дешифровка микенских надписей — это в очень многих случаях решение неопределенных уравнений со многими неизвестными. Конечно, самое спокойное и наименее хлопотливое дело — отправляться от «Documents» Вентриса и Чадуика, как от «классической» книги, суммирующей «уже достигнутое». Так и поступают, к сожалению, очень многие исследователи, а это вызвало в значительной мере застой в микенологии. Главная заслуга книги Палмера в том, что она заставляет сплошь и рядом усомниться в этом якобы «уже достигнутом» и побуждает исследователей к пересмотру ряда вопросов, казавшихся уже разрешенными.

С. Я. Лурье

А. И. НЕМИРОВСКИЙ, *История Воронежского ун-та*, Воронеж, цена 1 р. 40 к.

За последние десять-пятнадцать лет появился ряд новых книг, посвященных истории Поздней Римской республики и империи. Проблема кризиса рабовладельческого государства, который был связан с великими восстаниями рабов, движением Гракхов, перерождением республики в империю, упадком рабовладельческого Рима, не дважды привлекали к себе внимание наших историков. Гораздо менее посчастливилось проблеме возникновения и становления рабовладельческих отношений в Риме. Книги на эти

раннего Рима и Италии, Изд-во 1962, 300 стр., тираж 3000,

темы не выходили уже весьма давно¹ — можно назвать лишь некоторое количество журнальных статей, посвященных отдельным вопросам истории раннего Рима.

Объяснять это приходится не меньшим значением для исторической науки про-

¹ Со времени появления в свет известной работы В. И. Модестова «Введение в римскую историю» (т. I—II, М., 1902—1904) у нас не вышло ни одного обобщающего труда, посвященного этой эпохе.

блемы возникновения рабовладельческого Рима и не отсутствием у специалистов интереса к этой эпохе римской истории, но главным образом трудностью поднимающихся при этом исследовательских задач. Литературные источники по истории раннего Рима немногочисленны и в значительной степени легендарны. Время их возникновения на несколько веков отдалено от описываемых событий. Весьма ограничен эпиграфический материал, вообще чрезвычайно ценный для корректировки позднейших тенденциозных реконструкций, дошедших до нас в трудах Тита Ливия, Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского. Историк приходится опираться на археологические данные, довольно богатые и разнообразные, но не менее трудные для разработки и использования, чем легендарные данные письменных источников. Археологический материал, с которым приходится встречаться на италийской почве, нередко иноземного — балкано-эгейского и ливийско-финикийского — происхождения, что опять-таки требует от историка древнейшего Рима специальных познаний в области средиземноморской археологии.

Рецензируемая книга, заполняющая этот весьма заметный пробел в советской исторической литературе, не ставит перед собой задачи специального археологического изучения древней Италии, но использует археологический материал (хотя и из вторых рук) в качестве уже чисто исторического источника. Это — историческое исследование, использующее, однако, данные археологии значительно шире, чем это обычно бывает принято в книгах по истории древнего Рима, выходящих как у нас, так и за рубежом.

Разумеется, от автора, которому приходится оперировать наравне с археологическим материалом по истории материальной культуры и быта также и письменным материалом по истории древнеримских государственных учреждений и общественных форм, не приходится всякий раз требовать последнего и совершенно оригинального слова в каждом из затрагиваемых специальных вопросов. Но он зато вполне оригинален и зачастую не имеет предшественников в социологическом истолковании разнообразного и обширного комплекса источников, в стремлении обобщить с точки зрения исторического материализма все доступные данные о процессе образования классового общества на почве древней Италии и становления римского государственного строя.

Книга открывается главой о письменных источниках по истории раннего Рима, в которой характеризуется отношение современной науки к исторической традиции о начале Рима и первых столе-

тиях его истории, а равно рассматриваются древние документы и реконструируются сочинения летописного характера, откуда более поздние греческие и латинские историки черпали сведения о древнейшей истории Рима для своих дошедших до нашего времени произведений. Автор стоит на позициях умеренно критического направления в исторической науке, поскольку гиперкритическое направление, отрицавшее историчность свидетельств, восходящих ко времени до III в. до н. э., показало свою несостоятельность перед археологическими и эпиграфическими данными, а направление некритической апологетики, выявившееся в писаниях итальянских и немецких историков националистско-фашистского толка, основано не на научных, но лишь на реакционных политических, псевдопатриотических тенденциях. Автор соглашается с историками, признающими аутентичность древних сообщений о событиях IV в. до н. э., а в отдельных случаях и более раннего времени. В дополнение к излагаемой им аргументации в пользу относительной достоверности римской исторической традиции можно было бы, вероятно, прибавить еще и то, что в последнее время усилилась тенденция культурно-исторического подхода к оценке древнеримских преданий. Допуская случаи редупликации и модернизации анналистами фактов древнейшей истории Рима в угоду той или иной политической платформе и с точки зрения политической борьбы — позднереспубликанского времени, критика признает все же, что анналисты использовали в своих целях более или менее подходящие, но совершенно определенные древние исторические ситуации и оперировали некими реальными фактами². Имея некоторую возможность учета политических тенденций анналистики, историк может очистить от них древнее повествование и, не доверяя деталям излагаемых анналистами древних фактов, сохранить для науки их общий культурно-исторический смысл.

Автор уделяет достаточное внимание политическим позициям новых историков — критиков древнеримской исторической традиции, но оставляет иногда в тени (быть может, за недостатком места) политические тенденции древних интерпретаторов традиции, чей интерес к римской древности (будь они римляне или греки) объясняется всякий раз их собственными политическими позициями, влиявшими на выбор фактов и на их окраску с классовой, этнической или словной точек зрения.

Для характеристики образования древнеиталийских племен в книге наравне с

² Cp. H. S i b e r, *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*, Lahr, 1952, стр. 8 сл.

археологическим используется лингвистический материал — преимущественно древние географические наименования. Их изучение демонстрирует взаимопроникновение местных доиндоевропейских языковых явлений и индоевропейских, привнесенных из-за Альп толпами переселенцев с севера и с востока и прибывшими по морю представителями балканско-эгейского мира.

Возникновение на севере, в центре и на юге Италии, а также в Сицилии очагов культуры эпохи раннего железа, получившей наименование культуры Вилланова, отчетливо показывает, что процесс образования этой культуры, равно как и породивших ее родственных между собой итальянских племен, шел особенно интенсивно в районах скрещения местных и пришлых этнических и культурных элементов. Во внутренних областях Италии (в Умбрии, Пицене, Самнии) те же процессы происходили медленнее и порождали культурные формы, сохранившие многие традиционно местные черты более ранних эпох. В ходе разложения родового строя в Италии катализирующую роль сыграли отношения итальянских культурных центров с возникшими на сицилийских и апеннинских берегах греческими колониями. Наиболее ранним развитием характеризуется западное побережье Италии, где в результате взаимодействия эгейской и раннегреческой культур, с одной стороны, и культуры типа Вилланова, с другой, возникла этруская культура. Закрепившие в своей письменности некоторые местные, а возможно, и привнесенные из Эгеиды праиндоевропейские языковые формы и впитавшие в себя немало сирийско-ионийских и ливийско-финикийских культурных компонентов, этруски представляют собой одно из любопытных и во многих отношениях (прежде всего в отношении языка) еще нераспознавших историко-культурных явлений. Автор предостерегает читателя от излишней романтизации этрусской проблемы, полагая вслед за наиболее серьезными исследователями, что каковы бы ни были этнические компоненты этрусского племени, как и этрусской культуры, их взаимодействие и совместное развитие происходило на итальянской почве, вследствие чего этруски должны быть признаны итальянским народом, а их культура — итальянской культурой.

Обрисовывая далее этапы формирования латинского племени и древнейших поселений на римских холмах, автор подчеркивает черты своеобразия внутреннего развития латинской культуры. Возникшая на дрожжах культуры Вилланова, в той ее форме, какая была распространена во всей Средней Италии, латинская культура, не испытывая на себе непосредственного воздействия греческой цивилизации, восприняла ее через по-

средство этрусков, что получило отражение не только в строительной технике и материальной культуре латинян, но и в искусстве древнейшего Рима, латинской письменности, религиозных и политических учреждениях. Римляне, как показано в рецензируемой книге, на ранней стадии существования города знали интенсивные сельскохозяйственные культуры (оливок, фигового дерева и, вероятно, винограда) и обладали достаточно развитым ремеслом. В этом была основа хозяйственной самостоятельности Рима, позволившая ему быстро стать во главе союза латинских общин и противопоставить себя этрусскому политическому влиянию, которого не избегли многие другие соседние латинские общины, равно как и родственные латинам фалиски.

Мерилом степени экономической самостоятельности Рима в царскую эпоху А. И. Немировский считает то обстоятельство, что Рим устоял против своих ближайших соседей в момент крушения политической мощи этрусков и выступил во главе латинской лиги в первом договоре с Карфагеном. Он утверждает к тому же, что тот временный упадок римской культуры после освобождения города от этрусской зависимости, о котором говорят многие исследователи, не подтверждается археологическими и историческими фактами.

Детальные характеристики археологических данных, связываемых с племенными именами лигуров, синкулов, осков, мессапцев и япигов, пицентов, умбров и венетов, дополненные лингвистическим материалом, почерпнутым из топонимики и эпиграфики, позволяют судить о своеобразии названных племенных культур, о большом количестве этнических составляющих тех пестрых образований, которые действуют на территории Апеннинского п-ова в средние столетия I тысячелетия до н. э. Раскопки некрополей раннего железного века в восточной части Апеннинского п-ова, от приальпийских областей и до Саллентинского п-ова, а по новейшим данным вплоть до Сицилии (Милаццо), отчетливо показывают значение балканских культурно-этнических элементов в процессе сложения итальянских племен со своеобразными чертами их диалектов, культов и быта. Обзор этих племенных культур демонстрирует в то же время значительное влияние на их развитие греко-этррусской культуры, расцветшей на южных и западных берегах Апеннинского п-ова. Обнаруживает он и взаимное родство перечисленных племен, облегчавшее культурные связи между ними, как и их последующее объединение под этрусским и римским политическим верховодством.

Разумеется, не все племенные имена, связываемые с тем или иным археологическим и лингвистическим материалом,

одинаково значимы в историческом отношении. Такие имена, как сикулы (в Италии), лигуры и в особенности пеласги, менее определены в культурно-этническом отношении и менее осязаемы в их географических границах, чем умбры, пиденты, япиги и оски. Однако и в отношении установления границ последних также возможны значительные колебания. В частности, имя умбров А. И. Немировский распространяет также на значительную часть территории Тосканы, связывая его с археологическим материалом, близко родственным культуре Вилланова, с умбрской топонимикой, и основываясь на свидетельстве Плиния о том, что этруски захватили у умбров «триста городов».

Демонстрируя географию распространения отдельных племен в Италии и восставшая история их образования, книга подводит читателя к социологической характеристике родо-племенного устройства и разложения рода у италиков, преимущественно на примере древнеримских аристократических родов и их территориальных объединений. Материал, на котором строится это изложение, резко отличается от использованного в предшествующем разделе книги: это — предания государственно-правового и политического характера, относящиеся к так называемому царскому периоду римской истории и сохранившиеся в позднейшем римском законодательстве остатки частноправовых установлений, и их истолкование в римской юридической литературе позднереспубликанской и императорской эпохи, определяющие структуру вышедшей из рода большой семьи — основной ячейки зачаточного римского государства с безраздельной властью ее главы (отца семьи) как над подчиненными ему неполноправными и вовсе бесправными элементами (клиентами и рабами), так и над ее членами (детьми семьи).

Разделы, посвященные возникновению городов-государств на италийской почве, по нашему мнению, всего более удалась автору. В них использован разнохарактерный материал письменных и археологических источников, воссоздающих картину возникновения городов из оборонительных пунктов (*castella*), служивших убежищами для тяготевшего к ним населения во время войны и местом пребывания царской военной дружины (*sodales*). Италия сохранила многочисленные остатки подобных кастелей, позволяющие изучать древнейшую италийскую оборонительную архитектуру, особенно впечатляющую на почве Этрурии и областей, паходившихся в сфере этрусского влияния. Города, постепенно собирающие в своих стенах представителей земледельческой знати, превращаются в центры ремесла; в них концентрируются демократические элементы,

усиливающие позицию племенного вождя (царя) в его стремлениях противопоставить себя родовой аристократии. Ясен также сакральный характер царской власти, связанной с рядом религиозных церемоний. Претенденты на эту власть добывали ее с оружием в руках, исполняя обряд ритуального убийства своего предшественника.

Наиболее раннее развитие полисный строй получил в Этрурии, где города-государства объединились в федерацию 12 городов (*duodecim populi Etruriae*), имевшую значение для обеспечения успеха военной и торговой экспансии этрусков. Экспансия эта осуществлялась главным образом в форме колонизации (отдельными центрами, но под эгидой федерации) Кампанского побережья и долины нижнего течения р. По (Паданская Этрурия с центром в Фельсине-Болонье). Колонизуя умбрские, лигурийские, вентские и другие территории, этруски порабощали местное население, низводя его на положение пенестов, близкое по своему характеру древней римской клиентеле. Этрусская колонизация послужила прообразом для римских колоний, которые служили Риму опорными пунктами на завоеванных территориях в Италии, лишавшихся обычно двух третей своей пахотной земли. Местное же порабощенное население было принуждено обрабатывать участки, отводившиеся римским колонистам.

Эволюция древнеримских государственных учреждений, в особенности верховных магистратур, сената и военной организации римской общины на протяжении VI—IV вв. до н. э., связанная в легендарной традиции преимущественно с именем царя Сервия Туллия³, с одной стороны, свидетельствует об укреплении римской земельной аристократии, победившей демократические тенденции царской власти, проявившиеся в эпоху наивысшего подъема этрусской экспансии, с другой же, — указывает на рост и обогащение римского плебса. Последнее обстоятельство и привело к реорганизации римского войска (ранее набиравшегося по родовому принципу), выразившейся в установлении центуриатной военной организации, отдельные категории которой составлялись по тимократическому и территориальному признаку.

Клиенты и рабы представляли экономическую основу римской большой семьи, хозяйственно-правовой единицы римской общины царского и раннереспубликанского времени. Положение этих подневольных социальных категорий было далеко не одинаково: сидящего на земле клиента,

³ Автор рецензируемой работы посвятил этому вопросу специальную статью «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (ВДИ. 1959, № 2, стр. 153 сл.).

как правило, нельзя было продать, и он принимал родовое имя семьи, к которой принадлежал, тогда как раб получал это имя лишь после отпуща на волю. Рабы и клиенты были антагонистическим элементом по отношению к владельческой аристократии.

А. И. Немировский полагает, однако, что не противоречия между этими социальными антиподами двигали историю древнейшего Рима. По его мнению (совпадающему с мнением большинства советских историков), рабы как активная и самостоятельная социальная сила выступают на общественную арену не ранее того времени, когда Рим в результате больших завоеваний на Западе и на Востоке собрал в Италии огромные массы рабов, т. е. не ранее II в. до н. э.⁴ В царском же Риме и в особенности в эпоху ранней Республики, ведущее общественное значение принадлежало противоречиям между основными сословиями Рима — патрициями и плебеями. Римский плебс не был монолитен в социальном отношении: сословие плебеев объединяло и собственных рабовладельцев из числа ремесленников и торговцев, а также из числа землевладельцев, не принадлежавших к римской аристократии. К плебсу же относились и малоимущие слои свободного населения, большей частью находившиеся в долговой кабале у крупных собственников и фактически мало чем отличавшиеся по своему положению от рабов.

Борьба между патрициями и плебеями происходила на политической арене, так как зажиточные слои плебса, увлекавшие за собой и низшие категории населения, боролись с патрициатом за уравнивание в основных гражданских правах, за допущение к высшим (курульным) магистратурам. В ходе этой борьбы выдвигались и требования уменьшения долгового процента, наделения беднейших слоев населения государственной землей.

Существенными актами этой борьбы были плебисциты Лициния и Секстия, ограничивавшие, с одной стороны, возможности крупных землевладельцев, с другой, — устанавливавшие доступ плебеев к высшей республиканской магистратуре — консульству. Хотя практическое осуществление прокламированных этими плебисцитами прав совершалось весьма медленно, и в частности, принятый велед за этими плебисцитами закон Петелия об отмене долгового рабства практически, видимо, обозначал лишь отмену продажи должника на сторону, а не отмену самой кабалы, следует считать, что эти законодательные акты все же соответствовали значительным реальным сдвигам в политическом прогрессе плебейства. Про-

гресс этот определялся, видимо, всем ходом дел в государстве, поскольку целый ряд весьма действенных мероприятий открыл дорогу низшим слоям плебса (неимущему или неполноправному гражданству) не только в сельские трибы и в центурии высшего класса, но даже в сенат. Эти на первый взгляд весьма демократические действия были предприняты на сей раз представителями прогрессивно и реально мыслящей аристократии, пожимавшей, что перед теми большими внутренними и внешнеполитическими проблемами, какие вставали перед Римом на рубеже IV и III вв. до н. э., должны были быть значительно расширены слои гражданства, пополнявшие ряды легионов, способного к широкому предпринимательству и к политической деятельности.

Именно в этом аспекте следует рассматривать деятельность Аппия Клавдия цензора, чьи мероприятия были осуществлены не полностью, а результаты их (как, впрочем, и многих других прогрессивных политических мероприятий в Риме) сказались далеко не сразу. Во всяком случае, с этого времени можно говорить о возникновении нобилитета — нового правящего сословия, состоявшего не только из аристократов, но и из представителей богатого плебейства, получившего доступ к высшим государственным должностям.

Эти события также знаменуют конец наиболее острой стадии борьбы плебса с патрициатом и начало такого времени, когда плебс как сословие перестает быть в значительной степени инородным телом в римской аристократическо-республиканской общине, а превращается в правомерную и активную составляющую государственного организма. Сословия перестают быть антагонистами, народный трибунал постепенно утрачивает свою основную функцию — плебейской магистратуры, призванной чинить obstructionism аристократическому государству при его посягательствах на интересы плебеев. Оба сословия находят своего антагониста в лице порабощенного или низведенного на положение клиентов-колонов завоеванного населения Лация и других соседних территорий.

Итак, заполняющая, как говорилось, существенный пробел в советской исторической литературе, книга А. И. Немировского удачна и с историко-методической стороны, поскольку в ней гармонично и широко используются разнообразные и редко сочетаемые друг с другом источники. Книга создает достаточно полное представление о материально-хозяйственном быте италийских племен в эпоху разложения родового строя и возникновения государственности, о развитии общественных отношений и государственных учреждений Рима, Этрурии и других более развитых италийских общин. Строение работы дает автору возможность для

⁴ Ср. статью А. И. Немировского «К вопросу о рабстве в раннем Риме» («Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 4, стр. 206 сл.).

идущих от самого материала обобщений, характеризующих социальную структуру древнейшего римского общества, с постепенным нарастанием и усилением в нем ведущих его развитие вперед классовых противоречий.

Если говорить о недостатках книги, то прежде всего следует указать на некоторую неровность изложения: в ряде случаев автор выступает как самостоятельный исследователь, в других (как, например, при рассмотрении проблемы италиков на Апеннинском п-ове и вопроса о значении миграции италийских и балканских племен) излагает чужие, подчас достаточно противоречивые мнения, не решаясь иногда отдать мотивированное предпочтение тому или иному из них.

В тех частях книги, где изложение основывается на археологических данных, оно заметно страдает и от явного несоответствия объема привлекаемого южно-италийского материала по сравнению с северо- и среднеиталийским. Объясняется это отчасти определенной научной традицией, сложившейся в то время, когда северная половина Апеннинского п-ова была обследована в археологическом отношении значительно более детально, чем южная. Кроме того, до сих пор материал из раскопок в Апулии и Лукании не имеет столь компактных сводок, как материал Северной и Средней Италии, а разбросан по многим — нередко малодоступным — изданиям. Так или иначе древне-апулийская культура и могильники эпохи раннего железа побережья Канале охарактеризованы в книге настолько бегло, что великогерцеские колонии возникают как бы почти без связи и взаимодействия с местным населением VII—VI вв. до н. э., словно на пустом месте.

Археологический материал, характеризующий южноиталийское население эпохи раннего железа, важен и для пони-

мания зарождения и распространения культуры Вилланова в Италии вообще, ибо, например, могильники Тиммари и Торре Кастеллуччо в Апулии близ Тарента должны считаться в такой же степени родиной культуры Вилланова, как и некрополи Болоньи и других древнейших умбро-тосканских центров эпохи раннего железа. Поэтому утвердившееся о распространении культуры Вилланова по Италии с севера, из долины реки По, в настоящее время нельзя уже считать правильным.

Трудно, разумеется, требовать от столь разнообразной по материалу и проблематике книги, чтобы в ней все было одинаково детально исследовано. Мы могли бы, однако, пожелать в указанных случаях несколько большей компактности и более равномерной организации материала. Излагает ведь автор в последней главе весьма сжато и выразительно целую череду сложных явлений римского государственного развития, без того чтобы попытаться самостоятельно решить комплекс кардинальных вопросов истории римского государственного права, которые он затрагивает лишь настолько, насколько это представляется необходимым для осмысления более детально рассмотренных в книге обстоятельств хозяйственной и социальной истории Рима раннереспубликанского времени.

Но и при всех этих претензиях к книге А. И. Немировского мы должны быть признательны автору, широкие интересы которого позволили ему объединить в едином изображении элементы материальной и духовной структуры древнеиталийского общества, так что перед глазами читателя возникает вполне полнокровный исторический организм в его противоречиях и в его движениях.

Л. А. Ельницкий

Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского, сост. Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова, под ред. акад. М. П. Алексеева, Л., 1963, 110 стр. (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей).

Составленный сотрудниками Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ) Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой «Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского»¹ проложил для

исследователей истории науки и литературы Западной Европы на грани средневековья и нового времени путь к источ-

своего пребывания во Франции, Германии, Англии, Голландии и других странах всемирно известное собрание средневековых латинских рукописей. О нем и его коллекции см.: Т. В. Луизова, Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е.

¹ П. П. Дубровский (1754—1816), русский дипломат, составивший во время